

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 316.75:343.32(470)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА К БОРЬБЕ С ИДЕОЛОГИЕЙ ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. Автором данной статьи определяется научная проблема, требующая системного изучения и поиска решения в предметном поле политических наук – современный терроризм приобрёл новые черты за счёт роста преступлений террористической направленности, особенностей процессов глобализации, нарастающей бездуховности современного социума, что создаёт благоприятные условия для распространения идеологием, основанных на ненависти. Автор обращает внимание и на нерешённость вопроса о демаркации границ между терминами «радикализм», «экстремизм», «терроризм», что порождает проблемы как в правоприменительной практике, так и при стратегическом планировании системы мероприятий по противодействию распространению идеологии терроризма в России.

Методы. При изучении идеологических особенностей современного терроризма использовались историко-генетический и системный подходы, а также многофакторный анализ, метод анализа локальных ситуаций (case studies), метод типологизации корпуса текстов как элемент лингвистической экспертизы материалов, имеющих признаки экстремизма или призывов к террористической деятельности.

Анализ. Соотношение дефиниций «радикализм», «экстремизм», «терроризм» позволяет предположить различные варианты, выбор одного из которых позволит с позиционировать место и роль идеологической компоненты в этих феноменах, повлияет на особенности формирования антиэкстремистского и антитеррористического законодательства по противодействию присущей им идеологии ненависти, а так же на практику работы оперативных служб.

В первом варианте радикализм выступает теоретическим базисом, на котором позднее развивается идеология экстремизма, некоторые из адептов которой ещё позднее переходят к практике вооружённого политического насилия против беззащитных гражданских лиц и атакуют невоенные объекты социального или административного назначения – собственно терроризм. Иной подход возможен, если признать за экстремизмом и терроризмом самостоя-

тельность, уникальность обоих явлений, каждый из которых наделён особенными признаками. В этом варианте экстремизм и терроризм пересекаются именно своими идеологическими контурами (радикализм), в рамках которых возможны тактические идеологические различия (напр.: религиозный, националистический, социальный и т.д. компоненты), но не базисные принципы идеологии ненависти (крайняя степень неприятия существующей системы, готовность к противоправным действиям по её дестабилизации, отказ от всех форм компромисса и переговоров с политическими оппонентами и т.д.). В третьем варианте экстремизм и терроризм рассматриваются как полностью самостоятельные социально-опасные феномены, имеющие свои причины, социальный базис, уникальную тактику действий и стратегические цели, а также собственный, качественно отличный один от другого идеологический каркас.

Сопоставление имеющихся в российском законодательстве правовых определений выявляет несколько логических противоречия, устранение которых желательно в целях дальнейшей разработки программ борьбы с распространением террористических воззрений:

- отсутствует чёткое разграничение между понятиями «экстремистские материалы» и «террористические материалы»,
- при этом понятие «террористические материалы» выступает более широким и вбирает в себя всё, относящееся к «экстремистским материалам», хотя логически было бы уместнее наоборот;
- список террористических материалов в российской правовой системе отсутствует, список экстремистских материалов в российском законодательстве существует и регулярно пополняется в том числе манифестами террористов, пропагандистской продукцией террористических организаций.

Террористические материалы при их демаркации от экстремистских можно определять:

- по источнику происхождения;
- по наличию прямого призыва к деятельности, которая подпадает под определение террористического акта;
- по наличию утверждений о том, что с политическими антагонистами невозможны никакие формы мирного сосуществования, поэтому необходимо их физическое уничтожение.

Рост террористической опасности в современной России обусловлен двумя новыми для нашей истории факторами – режим «открытых границ» в сочетании с отсутствием общегосударственной идеологии, формирующей своеобразный «кодекс поведения» россиянина и систему его жизненных ценностей. Идеологический вакуум предсказуемо заполняют иностранные радикальные идеологемы, в том числе и террористической направленности. Соответственно, государственная стратегия антитеррора должна быть направлена в первую очередь на устранение этих факторов.

Результаты. Целесообразно провести демаркацию между правовыми дефинициями «экстремизм» и «терроризм», взаимоисключив пересекающиеся категории. Сущностью экстремизма является пропаганда, распространение идеологий ненависти, непримиримости в их радикальной трактовке и политически мотивированные противоправные действия, направленные на подрыв общественного порядка, но не преследующие цели постановки под угрозу жизни людей. Сутью терроризма являются политически мотивированные действия широкого

спектра, ставящие под реальную или потенциальную (например, минирование и взрыв объекта в отсутствие людей) угрозу жизни гражданского населения. Целесообразно более адресно использовать правоприменение при фактах преступлений террористической и диверсионной направленности. Сущность диверсии – акт войны (даже в том случае, если война официально не объявлена) со стороны одного государственного субъекта (или блока государств) в отношении другого государственного субъекта. Диверсия квалифицируется даже в том случае, если данный акт осуществляют военизированные негосударственные «прокси-структуры», но действующие в интересах конкретного государства. Целесообразно создать Федеральный список террористических материалов, соответственно введя предельно жёсткую уголовную ответственность за изготовление и распространение подобных материалов.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, терроризм, диверсия, идеология.

UDC 316.75:343.32(470)

EVOLUTION OF THE STATE POLITICAL AND LEGAL APPROACH TO COMBATING THE IDEOLOGY OF TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Илья Л. Морозов

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The author of this article identifies a scientific problem that requires a systematic study and search for a solution in the subject field of political sciences - modern terrorism has acquired new features due to the growth of terrorist crimes, the peculiarities of globalization processes, the growing lack of spirituality of modern society, which creates favorable conditions for the spread of ideologies based on hatred. The author also draws attention to the unresolved issue of demarcating the boundaries between the terms “radicalism”, “extremism”, “terrorism”, which gives rise to problems both in law enforcement practice and in strategic planning of a system of measures to counter the spread of the ideology of terrorism in Russia.

Methods. When studying the ideological features of modern terrorism, historical-genetic and systemic approaches were used, as well as multifactor analysis, the method of analyzing local situations (case studies), the method of typologizing a corpus of texts as an element of linguistic examination of materials that have signs of extremism or calls for terrorist activity.

Analysis. The correlation of the definitions “radicalism”, “extremism”, “terrorism” allows us to assume various options, the choice of one of which will allow positioning the place and role of the ideological component in these phenomena, will influence the features of the formation of anti-extremist and anti-terrorism legislation to counter the inherent ideology of hatred, and also on the practice of operational services.

In the first version, radicalism acts as a theoretical basis on which the ideology of extremism later develops, some of whose adherents even later move on to the practice of armed political violence against defenseless civilians and attack non-military objects of social or administrative purposes – terrorism itself. A different approach is possible if we recognize the independence and uniqueness of extremism and terrorism as both phenomena, each of which is endowed with special

characteristics. In this version, extremism and terrorism intersect precisely by their ideological contours (radicalism), within which tactical ideological differences are possible (for example: religious, nationalistic, social, etc. components), but not the basic principles of the ideology of hatred (extreme degree of rejection of the existing system, readiness for illegal actions to destabilize it, refusal of all forms of compromise and negotiations with political opponents, etc.). In the third option, extremism and terrorism are considered as completely independent socially dangerous phenomena, having their own causes, social basis, unique tactics and strategic goals, as well as their own, qualitatively different ideological framework.

A comparison of the legal definitions available in Russian legislation reveals several logical contradictions, the elimination of which is desirable in order to further develop programs to combat the spread of terrorist views:

- there is no clear distinction between the concepts of “extremist materials” and “terrorist materials”,
- at the same time, the concept of “terrorist materials” is broader and includes everything related to “extremist materials”, although logically it would be more appropriate the other way around;
- there is no list of terrorist materials in the Russian legal system; the list of extremist materials in Russian legislation exists and is regularly updated, including by terrorist manifestos and propaganda products of terrorist organizations.

Terrorist materials, when demarcated from extremist ones, can be defined:

- by source of origin;
- by the presence of a direct call for activities that fall under the definition of a terrorist act;
- by the presence of statements that no forms of peaceful coexistence are possible with political antagonists, therefore their physical destruction is necessary.

The growth of the terrorist threat in modern Russia is due to two factors new to our history - the “open borders” regime combined with the absence of a national ideology that forms a kind of “code of conduct” for Russians and their system of life values. The ideological vacuum is predictably filled with foreign radical ideologies, including those of a terrorist nature. Accordingly, the state anti-terrorism strategy should be aimed primarily at eliminating these factors.

Results. It is advisable to demarcate between the legal definitions of “extremism” and “terrorism”, mutually excluding overlapping categories. The essence of extremism is propaganda, the spread of ideologies of hatred, intransigence in their radical interpretation, and politically motivated illegal actions aimed at undermining public order, but not pursuing the goal of endangering people's lives. The essence of terrorism is politically motivated actions of a wide range that pose a real or potential (for example, mining and explosion of an object in the absence of people) threat to the lives of the civilian population. It is advisable to use law enforcement in a more targeted manner in cases of terrorist and sabotage crimes. The essence of sabotage is an act of war (even if war is not officially declared) on the part of one state entity (or bloc of states) against another state entity. Sabotage is qualified even if this act is carried out by paramilitary non-state “proxy structures”, but acting in the interests of a particular state. It is advisable to create a Federal List of Terrorist Materials, accordingly introducing extremely strict criminal liability for the production and distribution of such materials.

Keywords: radicalism, extremism, terrorism, sabotage, ideology.

Введение. Терроризм как вид вооружённого насилия, применяемого негосударственными субъектами политических процессов, насчитывает многовековую историческую эволюцию стратегии, тактики и идеологием. Но с 90-х годов XX века частота, масштаб и жестокость проводившихся акций позволяют предположить, что данное социально-опасное явление вошло в особую фазу развития, обуславливающую необходимость аналитической переоценки рисков, вызовов и угроз в отношении системы национальной безопасности России. Это актуализировало научно-практическую проблему разработки новых адекватных подходов к теоретическому изучению терроризма как политического феномена для поиска практических технологий борьбы с ним.

С началом в феврале 2022 года Специальной военной операции (СВО) России на Украине к настоящему времени обозначилось несколько новых тенденций в сфере террористической угрозы и противодействия ей.

Во-первых, многие деструктивные вооружённые акции, организованные против России «силовыми» структурами враждебного государства, российские правоохранители стали квалифицировать как террористические акты. Даже столь масштабное трагическое событие, как подрыв Крымского моста 8 октября 2022 года повлекло возбуждение дела по части второй статьи 205 «Терроризм» [17], хотя атака была произведена на объект, игравший в тот период важнейшую роль в логистическом снабжении российской армии и ответственность на себя (пусть даже в форме намёка, как и в отношении ряда других кровавых акций – убийства Д. Дугиной, В. Татарского, покушения на З. Прилепина, О. Царёва и др.) взяли руководители «силовых» структур Украины, находящейся состоянии войны с Россией (сама Российская Федерация конфликт с Украиной как войну юридически не квалифицирует), изготовление взрывного устройства, его транспортировка через несколько государственных границ, поражающий потенциал взрывного устройства и сама технология организации подрыва были бы нереализуемы без участия профессиональных военизированных государственных служб и их ресурсов.

Данная трагедия точно соответствовала тому, что статья 281 УК РФ определяет как диверсию: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации» [21]. Однако учтём, что Украина ведёт против России гибридную (сложносоставную) войну, в которой негосударственные антироссийские акторы, использующие террористические акты как ключевой тактический элемент, могут работать как во взаимодействии с государственными структурами Украины или по указаниям таковых, так и самостоятельно, что действительно может стирать грань между террористическим актом и диверсией в ряде случаев. Например, И. В. Кулягин (аппарат Национального антитеррористического комитета РФ) отмечает: «На молодёжь ориентирована деятельность украинских праворадикальных, нацистских движений... призывающих к совершению актов насилия на территории Российской Федерации» [3, с. 5].

Во-вторых, общество консюмеризма с присущей ему мировоззренческой бездуховностью и социальным эгоизмом оказалось эффективной рекрутинговой базой для соверше-

ния диверсий и террористических актов по заказу внешних акторов – зарубежных спецслужб и международных террористических организаций, что и было реализовано противниками России в условиях СВО. Если «классический» террорист совершает преступления, движимый хотя бы какой-то антигуманной идеей (религиозный фанатизм, национализм, сепаратизм, человеконенавистничество и т.д.), то террорист нового типа безыдеен, бездуховен, беспринципен и готов убивать гражданских лиц, включая беззащитных женщин и детей, из корыстных побуждений. Именно с такими исполнителями террористического акта столкнулись россияне в Крокус Сити Холле 24 марта 2024 года, ответственность за который взяла на себя запрещённая в России террористическая организация ИГ/ИГИЛ. Но по версии России истинными заказчиками всё же являются спецслужбы Украины, которые по каналам дистанционной коммуникации нашли в российском социуме индивидов, готовых за материальное вознаграждение расстреливать и сжигать мирных граждан.

Именно бездуховность породила и такое неизвестное ранее на российской земле террористическое явление, как «скулшутинт» – массовый расстрел обучающихся и педагогов своими учениками и одноклассниками [1]. Лишённые устойчивых идеологических ориентиров некоторые представители молодого поколения не имеют мировоззренческого иммунитета от пропагандистского воздействия, особенно если в рамках такого воздействия манипулятором умело применяются специальные психологические технологии вербовки. С началом СВО именно из данной социальной страты украинские спецслужбы стали активно рекрутировать несовершеннолетних россиян для проведения диверсий (большинство из которых в России квалифицируют как терроризм) или иных провокационных акций.

В настоящий период в России реализуется уже «третье поколение – на период 2024–2028 годы» Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации [8], в котором ключевое внимание уделяется мероприятиям по работе с несовершеннолетними и молодёжью. Школами, вузами, общественными организациями России в рамках исполнения данного (как ранее и предшествующих ему) документа проводится значительное количество регулярных просветительских и воспитательных мероприятий. Однако проблема до сих пор не решена именно по той причине, что она имеет генезис более фундаментального свойства – отсутствие как общемировоззренческого морального базиса всего российского социума, так и государственной идеологии, способной убедительно сформировать привлекательный «образ будущего» в сознании молодого поколения Россиян. Ведь терроризму, основанному на идеологии ненависти, сложно конкурировать с созидательными мировоззренческими альтруистическими конструктами социального оптимизма, но он легко проникает в сознание человека в случае наличия в нём духовного вакуума, экзистенциальной пустоты.

Методы. При изучении идеологических особенностей современного терроризма использовались историко-генетический и системный подходы, а также многофакторный анализ, метод анализа локальных ситуаций (case studies), метод типологизации корпуса текстов как элемент лингвистической экспертизы материалов, имеющих признаки экстремизма или призывов к террористической деятельности.

Анализ. За формальную точку отсчёта современной фазы в истории терроризма принят сентябрь 2001 года – террористические акты в США и последовавшая за ними программная речь американского президента Дж. Буша: «Наше горе превратилось в гнев, а гнев – в ре-

шимость... Наша война с терроризмом начинается с «Аль-Каиды», но на этом она не заканчивается. Она не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, остановлены и разгромлены все террористические группировки глобального масштаба» [23]. Анализ текста данного выступления позволяет оценить его как декларацию нового стратегического подхода американского руководства к борьбе с терроризмом сообразно сложившейся реальности. Ключевые смысловые элементы нового подхода:

- признание терроризма как глобальной проблемы всего человечества и только объединёнными усилиями всего человечества, решаемой;

- возглавят глобальную борьбу с терроризмом США как «богоугодное государство» («Во всём, что нам предстоит, пусть Бог дарует нам мудрость и пусть он присматривает за Соединёнными Штатами Америки» [23]);

- принципиальное отличие мирных мусульман от радикальных исламистов-террористов, спекулирующих на религиозных постулатах;

- восприятие борьбы с терроризмом не как разовой военизированной операции против конкретного противника на чётко обозначенной географической локации и даже не серией подобных операций, но как длительного процесса без обозначенных географических и хронологических рамок;

- цель террористов глобальна, состоит в разрушении сложившегося на планете образа жизни, включая уничтожение демократии и изгнание христиан и иудеев с территорий, на которых они в данный момент проживают;

- идеология современного терроризма есть закономерный этап эволюции агрессивных идеологий XX века (фашизма, нацизма, тоталитаризма);

- стратегия борьбы с международным терроризмом будет строиться на сочетании медийно освещаемых силовых операций и тайных действий американских спецслужб, которые будут «секретные даже в случае успеха» [23];

- особое внимание будет уделено вскрытию и уничтожению источников финансирования террористической деятельности;

- борьба с террористами начнётся не только в зоне совершения ими террористических актов и расположения будущих потенциально привлекательных целей для террористов, но теперь в отношении терроризма ставится задача «...искоренять и уничтожать там, где он растёт» [23], а также предполагается подавление тех государств и правительств, которые будут заподозрены в поддержке террористических организаций;

- каждому государству на планете Земля необходимо сделать однозначный и понятный для американской администрации выбор, в результате которого надо либо присоединиться к американской версии борьбы с международным терроризмом, либо отказаться от присоединения и тогда последует автоматическое перемещение в список врагов Соединённых Штатов: «Сейчас каждой стране в каждом регионе предстоит принять решение. Либо вы с нами, либо вы с террористами. С этого дня любая нация, которая продолжает укрывать или поддерживать терроризм, будет рассматриваться Соединёнными Штатами как враждебный режим» [23].

Смысловый лингвистический анализ речи американского президента позволяет констатировать, что именно в ней впервые открыто и на государственном уровне (под предлогом ли борьбы с терроризмом, или в рамках этой искренней борьбы – другой вопрос) впер-

вые провозглашены принципы, фактически ведущие денонсации сложившейся по итогам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамской международной системы, исходящей из признания суверенитета как ключевой категории международного права и вытекающего из этого принципа невмешательства во внутренние дела других государств. С сентября 2001 года США в одностороннем порядке *de facto* провозгласили о своём праве всех форм вмешательства, вплоть до военной интервенции, в дела любого государства под предлогом борьбы с терроризмом.

Так была сформулирована идеологическая доктрина, при необходимости позволяющая «обосновать» различные формы (включая вооружённое вмешательство) американского экспансионизма в отношении неугодного актора международной арены. На момент подготовки данной статьи Россия не внесена в американский список стран-спонсоров терроризма, но в 2022 году Европарламентом была одобрена резолюция о признании России страной-спонсором терроризма [24], позволяющая антироссийской пропаганде объяснять разные формы вмешательства НАТО в российско-украинский конфликт.

Последствия речи Дж. Буша имели глобальные масштабы, была запущена и в значительной мере исполнена программа геополитического переформатирования международной системы. Под предлогом борьбы с терроризмом США и их европейские союзники совершили военное вторжение в Афганистан и Ирак, разместили военные базы в постсоветских странах Центральной Азии, способствовали падению ряда режимов на Ближнем Востоке, осуществили военные операции против Сирийской Арабской Республики, стимулировали процесс расширения НАТО и спровоцировали российско-украинское военное столкновение.

Особо подчеркнём, что руководство Российской Федерации сразу после трагических событий теракта 11 сентября 2001 года заявило о солидарности с американским народом в борьбе с международным терроризмом. Президент России В. В. Путин уже 12 сентября 2001 года выступил со следующими словами: «Россия не понаслышке знает, что такое террор. И поэтому мы лучше всего понимаем чувства американского народа и, обращаясь от имени России к народу Соединённых Штатов, хочу сказать, что мы с Вами, мы целиком и полностью разделяем и чувствуем Вашу боль. Мы поддерживаем Вас» [5].

Слова Президента Российской Федерации немедленно были подтверждены делом. Россия оказала реальную помощь США в проведении военной операции против «Аль-Каиды» в Афганистане 2001–2002 годах, предоставляла свою территорию для логистических военно-транспортных маршрутов США. К сожалению, как показали последующие события, эта помощь не была с благодарностью оценена американским руководством, а Россия далеко не сразу выявила, что в американском понимании процесса борьбы с международным терроризмом фактически решалась задача формирования монополярной международной системы, призванной необратимо закрепить геополитические итоги победы США в «холодной войне» над СССР.

Система антитеррористической защищённости Советского Союза базировалась на жёстком контроле государственной границы как одного из основополагающих принципов, что позволяло почти полностью исключить внешнее вмешательство со стороны международных террористических организаций, а внутренние террористические угрозы в значительной степени снимались господством государственной идеологии, разделяемой населением,

социальной политикой, направленной на выравнивание доходов различных социальных страт, в том числе нуждавшихся в государственной помощи.

Разумеется, в действиях корыстно-криминального характера преступниками того периода могла использоваться террористическая тактика. Так, серьёзной проблемой для СССР стали периодически предпринимаемые попытки захвата гражданских воздушных судов в целях бегства за границу (семья Овечкиных в марте 1988 года – «Семь Симеонов»), иногда сопровождающиеся и требованиями финансового характера (захват бандой П. Яшкинянца школьников в городе Орджоникидзе с последующим вылетом в Израиль в декабре 1988 года). Но именно с политически мотивированной террористической тактикой после окончания подавления к 50-х годам XX века вооружённых националистических подпольных формирований на Украине, в Прибалтике и некоторых других районах, советское общество сталкивалось редко. Наиболее известным исключением стала националистическая группировка С. Закинята, организовавшая взрывы в московском метро в январе 1977 года.

Ситуация кардинально изменилась с началом 90-х годов и распадом СССР. Глобализирующаяся экономика требовала режима максимально открытых границ для движения рабочей силы вслед за экономической конъюнктурой, что облегчало террористам задачу проникновения почти в любую европейскую страну, включая Россию, а крах государственной идеологии и идущее ей на смену мировоззрение эгоистического консьюмеризма сделали российский социум беззащитным перед проникновением идеологий террористических движений самой разной политической и религиозной направленности. Ещё 2000 году итальянский исследователь А. Котта предупреждает мир о появлении терроризма нового типа: «Этот терроризм трудно победить чисто военными мероприятиями: его «подлинная сила», возможно, определяется эволюцией западных обществ, которые стали изнеженными, «дряблыми», а в последней четверти XX в. они уделяли главное внимание любым формам обеспечения безопасности и процветания» [12, с. 57]. Сказанное, на наш взгляд, относится и к позднесоветскому/российскому социуму 80–90-х годов.

Исторический период рубежа XX–XXI веков для России проходил в условиях перманентной волны потрясающих своей жестокостью террористических актов (рейды боевиков Ш. Басаева и С. Радиева в Будённовск и Кизляр с захватом заложников в 1995–1996 годах, взрывы жилых домов в Москве, Волгодонске, Буйнакске в 1999 году, массовый захват заложников, включая детей, в Москве в 2002 году, массовый захват заложников, большинство из которых составили дети, в Беслане в 2004 году и другие).

Эти процессы указывали на неэффективность постсоветской модели антитеррористической защиты, что стало причиной разработки нового подхода, получившего наименование «Общегосударственной системы противодействия терроризму», определяемой как «совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма» [10]. В качестве новаций выступили:

- принцип объединения антитеррористических усилий правоохранительных структур, гражданских администраций, социума (общественные объединения, инициативные активисты и т.д.);

- создание единого координирующего органа (Национальный антитеррористический комитет и его структуры в форме антитеррористических комиссий в регионах);
- системный подход к борьбе с террористической угрозой (три основных направления – профилактика, противодействие, минимизация последствий);
- повышенное внимание к идеологической составляющей.

Именно идеологический аспект далее рассмотрим подробнее в рамках предмета нашего исследования.

Одна из принципиальных задач современной политической науки – уточнить смысловую границу между такими опасными социально-политическими явлениями, как терроризм и экстремизм. Вариантом демаркации могло бы стать наличие/отсутствие действий, сознательно ставящих под угрозу жизнь и здоровье людей по идеологическим (включая политические, религиозные, расовые и т.д.) мотивам, а в определении экстремизма целесообразно перейти от деятельностного подхода к смысловому – в качестве отправной точки разработать и принять собственно определение экстремизма как негативного политического явления и далее уже выводить из него производные в виде конкретной противоправной деятельности.

Но пока в науке не утихают дискуссии даже по более локальному вопросу – существует ли террористическая идеология как универсальное явление, или речь необходимо вести о наборе террористических идеологий как частных. Пытаясь как-то разрешить эту дилемму, российские эксперты даже предлагают рассматривать идеологический аспект терроризма дуалистически, в «широком» и «узком» смыслах [4, с. 79].

Существенную разницу в понимании феномена терроризма и в оценке степени его социальной опасности в Советском Союзе и в современной России выявляет сравнение смыслового содержания и текстового объёма соответствующей статьи в Уголовных кодексах. УК РСФСР от 1960 г. имел статью 66 «Террористический акт», которая на момент принятия Кодекса (впоследствии эта статья претерпела серьёзное изменение в 1994 г.) формулировалась как «Убийство государственного или общественного деятеля, или представителя власти, совершённое в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления Советской власти» [20]. То есть подразумевался прямой удар по кадровому сегменту функционирования аппарата власти. Лаконичная, чёткая формулировка.

В действующей редакции Уголовного кодекса современной России соответствующая по названию статья 205 сформулирована следующим образом: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями...» [21], причём это только начало цитируемого текста статьи УК, далее следует детализация, которую здесь воспроизводить целиком не будем. Видно, что в современном российском варианте законодатель стремится расширить деятельностный подход (не только убийство, но и другие деяния). Террористический акт теперь воспринимается не как прямое (убийство государственного деятеля), а как опосредованное (эффект эхо) воздействие на политический режим, при котором террористы в первую очередь убивают отнюдь не предста-

вителей власти, но гражданское население в расчёте, что запуганное общество само начнёт требовать от власти пойти на уступки террористам.

Российское антитеррористическое законодательство по понятным причинам формировалось более детально, с максимальной ориентацией на практическую применимость в борьбе с терроризмом, что существенно облегчило деятельность оперативных структур и системы судов, но при этом породило ряд потенциальных логических противоречий, которые в будущем так или иначе придётся решать. Наиболее очевидным из данных противоречий является «размытость» терминологических (значит и правовых) границ между такими политическими явлениями, как радикализм, экстремизм, терроризм.

Существующие в российском законодательстве формулировки этих терминов породили практическую ситуацию, при которой любого политического оппозиционера и просто гражданского «вольнодумца»-радикала («radix» лат. – корень, соответственно в эпистемологической трактовке термина речь шла бы о человеке, убеждённом в необходимости фундаментального, коренного изменения сложившихся социально-политических и экономических отношений) можно осудить за экстремизм, а любого экстремиста («extrem» лат. – крайность, соответственно в эпистемологической трактовке термина речь шла бы о человеке, занявшем крайнюю, непримиримую позицию по политическому вопросу) осудить за терроризм. Российская правоприменительная практика имеет примеры обвинительных приговоров в буквальном смысле «за лайк» (отметка личного одобрения публикации в интернете, которую может поставить каждый посетитель информационного ресурса). Например, Ботир Азимов был приговорён к двум годам лишения свободы по статье 205.2 УК РФ (публичное оправдание терроризма) за поставленный знак одобрения под видеосюжетом о межрелигиозном конфликте в Мьянме, после чего данный осуждённый посетовал: «Неохота даже просто держать телефон в руках! Никаких больше соцсетей, никогда. Если бы я знал, чем все кончится!» [13].

Антиэкстремистское правотворчество в Российской Федерации с позиций политического анализа выглядит сферой не только усложнённой, но и противоречивой. К примеру, в российском законодательстве есть термин «терроризм» и логически выводимые из него взаимосвязанные понятия «террористическая деятельность» [15], «террористический акт» [21], «идеология терроризма (террористическая идеология)» [6]. С экстремизмом всё иначе – изначально отсутствовало исходное понятие «экстремизм» как самостоятельная правовая дефиниция, хотя производные от неё были расписаны максимально пунктуально.

«Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [18] в разделе «Общие положения», где рассматривается базовая терминология, раскрывает понятия «экстремистская идеология», «проявления экстремизма (экстремистская деятельность)», но определения термина «экстремизм» мы не найдём. При этом сами авторы Стратегии, дав определение указанных выше двух терминов и избежав раскрытия третьего, далее по тексту активно употребляют слово «экстремизм». При анализе текста документа невольно складывается впечатление, что законодатель по некоторым причинам сознательно отказался от максимально точной и лаконичной формулировки экстремизма как правовой дефиниции.

Данное впечатление усиливается при прочтении Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [16], в котором экстремистская деятельность и экстремизм прямо отождествляются и представляют собой длинный список конкретных деяний.

Специалист по истории антитеррористического законодательства д.ю.н. проф. С. М. Кочои схожее явление отмечает и в законодательстве Российской империи, но в отношении терроризма: «В уголовном законодательстве Российской империи понятие «терроризм» («террористический акт») на протяжении длительного времени отсутствовало. Например, Уголовное уложение Российской империи 1903 года... избегало этого термина даже при описании состава посягательства на жизнь «священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола» [11, с. 52]. В отличие от Российской империи, в современной России термин «терроризм» чётко определён, закреплён в правовом обороте в № 35 ФЗ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года [2, с. 23] и активно используется в правоприменительной практике.

Характерно, что как только мы с национального уровня законодательства поднимаемся на международный, искомое определение экстремизма обнаружилось без труда – «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года» (вступила в силу для Российской Федерации 12 октября 2019 года) даёт чёткое политическое определение: «Экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путём насильственных и иных антиконституционных действий» [9]. Однако и в этом случае мы видим принципиальное стремление правотворца отождествлять преступление «словом» и преступление «делом», что наводит на мысль о аналогии с известной формулой обвинения «Слово и дело государево!» как важного элемента политического сыска в России XVII–XVIII веков [22].

Во всём, что касается экстремизма/экстремистской деятельности, российское законодательство тяготеет не только к расширительным трактовкам формулировок, но и в правоприменительной практике уже вплотную подбирается к отрицанию принципа «закон обратной силы не имеет» – наказание вводится даже за те деяния, совершённые в прошлом, которые до последующего принятия соответствующего закона правонарушениями не считались. Например, в мае 2024 года Конституционный суд РФ признал законным привлечение к административной ответственности за размещение в интернете постов с экстремистской символикой, размещённые до её юридического запрета – момент размещения публикации в интернете не имеет правового значения (<https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision750144.pdf>). То есть наказание последует за поступок, который на момент его совершения правонарушением не являлся, поскольку данная символика тогда экстремистской ещё не была признана.

Соотношение дефиниций «радикализм», «экстремизм», «терроризм» позволяет выстроить различные варианты, выбор, одного из которых позволит с позиционировать место и роль идеологической компоненты в этих феноменах, повлияет на особенности формирования антиэкстремистского и антитеррористического законодательства по противодействию присущей им идеологии ненависти, а также на практику работы оперативных служб.

Вариант № 1. В Таблице 1 приведён подход, при котором радикализм (первая фаза) выступает теоретическим базисом, на котором позднее развивается идеология экстремизма (вторая фаза), некоторые из адептов которой ещё позднее переходят к практике вооружённого политического насилия против незащищённых гражданских лиц и атакуют невоенные объекты социального или административного назначения (третья фаза – собственно терроризм).

В качестве примера в Таблице 1 приведена эволюционная цепочка левой политической идеи от рождения концепта до попыток воплощения в террористических актах.

Созданный Карлом Марксом и до наших дней не утративший научного значения в рамках политэкономии фундаментальный труд «Капитал» стимулировал развитие целого веера леворадикальных идеологов и выразивших их политических движений, исходивших в том числе и из примата насильственных методов борьбы над легальной политической конкуренцией.

В 90-е годы XX века писатель-публицист Эдуард Лимонов создал и возглавил в России межрегиональную общественную организацию «Национал-большевистская партия» (решением Московского городского суда от 19.04.2007 её деятельность запрещена и преследуется по закону), идеологическая платформа которой отличалась эклектикой, позволявшей в одном протестном ряду парадоксальным образом объединиться как сторонникам национализма, так и последователям идеализированного советского прошлого, как юным музыкантам новой волны, так и великовозрастным интеллектуалам-вольнодумцам (популярный ныне философ-пропагандист Александр Дугин некоторое время сотрудничал с Эдуардом Лимоновым). Члены запрещённой в России организации Э. Лимонова осуществляли политически мотивированные акции по подрыву общественного порядка в форме противоправных демонстративных публичных действий, но к террористической тактике не прибегали. Однако «фаза 3» из упомянутой выше Таблицы 1 закономерно всё же наступила.

Порвавший с нацболами молодой человек Андрей Сухорода стал одним из организаторов вооружённой банды «Приморских партизан», отметившейся политически мотивированными убийствами работников милиции и погиб в ходе операции по ликвидации этой банды в Уссурийске в 2010 году. В качестве другого примера можно привести 17-летнего анархиста Михаила Жлобицкого, погибшего в Архангельске в 2018 году в ходе осуществляемого им террористического акта в помещении ФСБ. А. Сухорода и М. Жлобицкий были экстремистами по убеждениям, которых данные убеждения в итоге подтолкнули к террористической деятельности.

Таблица 1

Терроризм – от идеи к действию

Направление	РАДИКАЛИЗМ 	ЭКСТРЕМИЗМ 	ТЕРРОРИЗМ
Содержание	Интеллектуальная разработка теорий, обосновывающих несправедливость и неэффективность существующей социально-политической системы как неспособной к модернизации, необходимость её полной замены на принципиально иную	Совокупность взглядов и идей, оправдывающих насильственные методы дестабилизации существующей социально-политической системы – по сути это и есть идеологическое обоснование террористической деятельности	Насильственные действия вооружённого характера негосударственных акторов, направленные на дестабилизацию существующей социально-политической системы и идеологически обоснованные экстремистскими доктринами
Персонализированный пример	Карл Маркс	Эдуард Лимонов	Михаил Жлобицкий Андрей Сухорода

Изложенный выше вариант соотнесения рассматриваемых терминов предлагался автором данной статьи ещё в начале нулевых годов XXI века [14], хотя и не оказал видимого влияния на правовые новеллы Российской Федерации. Но данный подход методически позволил соединить рассматриваемые категории в логическую «объяснительную» модель, применимую ко всем направлениям вооружённого политического насилия негосударственных акторов, что можно использовать в рамках анализа экстремистских и террористических организаций. Экстремизм здесь выступает как смысловое ядро (идеология), стержень терроризма (деятельность) Рисунок 1.

Рис. 1. Терроризм как деятельность, экстремизм как идеология

Вариант № 2. Иной подход возможен, если признать за экстремизмом и терроризмом самостоятельность, уникальность обоих явлений, каждый из которых наделён особенными признаками (в основном касаемыми тактики действий, так как стратегическая цель будет единой). В этом варианте экстремизм и терроризм пересекаются именно своими идеологическими контурами (радикализм), в рамках которых возможны тактические идеологические различия (напр.: религиозный, националистический, социальный и т.д. компоненты), но не базисные принципы идеологии ненависти (крайняя степень неприятия существующей системы, готовность к противоправным действиям по её дестабилизации, отказ от всех форм компромисса и переговоров с политическими оппонентами и т.д.). Данная модель (Рис. 2), переложенная на язык права, позволит чётко демаркировать преступления террористической и экстремистской направленности, а идеологическая общность анализируемых явлений станет предметом профессионального изучения со стороны учёных-теоретиков и экспертов-практиков, что приведёт к разработке общей программы по профилактике и противодействию распространения воззрений политического радикализма.

Рис. 2. Экстремизм и терроризм как практика действий, радикализм как общая идеологическая основа

Вариант № 3. Экстремизм и терроризм рассматриваются как полностью самостоятельные социально-опасные феномены, имеющие свои причины, социальный базис, уникальную тактику действий и стратегические цели, а также собственный, качественно отличный один от другого идеологический каркас. (Рис. 3).

Рис. 3. Экстремизм и терроризм как самодостаточные феномены с уникальной идеологической базой («идеология и практика воздействия»)

Подобный подход так же устранил бы разночтения при квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, а программы профилактики и противодействия их идеологическим компонентам имели бы каждая свою специфику и адресность.

Однако в российском законодательстве сложилась ситуация, не подпадающая в полной мере ни под одну из рассмотренных выше трёх логико-понятийных схем. Для пояснения

воспроизведём соответствующие ключевые термины, содержащиеся в нормативных правовых актах России (для краткости только выдержки из них, прямо относящиеся к предмету нашего исследования):

- «Идеология насилия – совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей» [18];

- «Радикализм – бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации» [18];

- «Экстремистская идеология – совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов» [18];

- «Экстремистская деятельность (экстремизм)... публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» [16];

- «Экстремистские материалы – предназначенные для распространения либо публичного демонстрирования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности... публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы [16];

- «Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [15];

- «Террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя... пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [15];

- «Под идеологией терроризма (террористической идеологией) ... понимается совокупность идей, концепций, верований, догматов, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности и направленных на мобилизацию людей для участия в этой деятельности» [6];

- «...под террористическими понимаются материалы, содержащие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающие терроризм, а также материалы, включённые в федеральный список экстремистских материалов, доступ к которым подлежит ограничению на территории Российской Федерации» [7].

Сопоставление приведённых правовых определений выявляет минимум три логических противоречия, устранение которых желательно в целях дальнейшей разработки программ борьбы с распространением террористических воззрений:

- отсутствует чёткое разграничение между понятиями «экстремистские материалы» и «террористические материалы»,

- при этом понятие «террористические материалы» выступает более широким и вбирает в себя всё, относящееся к «экстремистским материалам», хотя логически было бы уместнее наоборот, ибо не всякий экстремистский материал призывает к терроризму;

- при этом список террористических материалов в российской правовой системе отсутствует, а список экстремистских материалов в российском законодательстве существует и регулярно пополняется в том числе манифестами террористов, пропагандистской продукцией террористических организаций.

Соответственно, в рамках дальнейшего развития российского антитеррористического законодательства уместно предложить формирование списка террористических материалов и демаркацию входящих в него элементов от тех, которые будут отнесены к экстремистским материалам. Возникает вопрос, который, по-видимому, не может пока решить российская правовая наука – возможно ли в принципе демаркировать экстремистские и террористические материалы, и если «да», то какими могут быть индикаторы демаркации?

Отвечая положительно на первый вопрос, относительно второго можно предложить следующее. Террористические материалы можно определять:

- по источнику происхождения (террористическая организация; лицо, внесённое в российский список лиц, в отношении которых имеется информация о причастности к террористической деятельности; лица, внесённые в международные базы данных антитеррористических служб и т.д.);

- по наличию прямого призыва к деятельности, которая подпадает под определение террористического акта;

- по наличию утверждений о том, что с политическими (классовыми, этническими, религиозными и т.д.) антагонистами в принципе невозможны никакие формы мирного сосуществования, поэтому необходимо их физическое уничтожение.

При анализе текстов, включённых в Федеральный список экстремистских материалов [19], выявляется и закономерность иного рода. Материалы, отнесённые нами к собственно экстремистским, в отличие от террористических зачастую более подробны и объёмны, их авторы стараются придать видимую наукообразность своим рассуждениям, спекулируют искажёнными историческими, лингвистическими, этнографическими и иными фактами или прямо выдумывают их. То есть для экстремиста, в основе мировоззрения которого лежит радикализм, важно обосновать свою позицию в глазах аудитории, индоктринировать потенциальных адептов.

Террорист движим мировоззрением ненависти, и в этом случае пространные «рационалистические» обоснования с обращением к историческим экскурсам и дискуссионным обменом логическими силлогизмами со своими идейными оппонентами ему не нужны. Террористические материалы зачастую значительно лаконичнее экстремистских, выражены более эмоционально, содержат не столько рассуждения и «доказательства», сколько лозунги ненависти и призывы расправы с врагом, который для них очевиден.

Террористические материалы могут продвигаться не только в форме более-менее компактных текстов, но и листовок, видеосюжетов, музыкальных композиций. Иными словами, форма подачи террористического материала может быть разной, но всегда будет смысловая связка: враг (на которого укажут сразу и предельно чётко) + призыв к его уничтожению действием (выраженный эмоционально и предельно ясно). В то же время автор-

экстремист при генерации своей продукции склонен действовать не столь прямолинейно, предпочитая постепенно подводить аудиторию к якобы самостоятельному осознанию образа врага и необходимости активных действий против такового.

Для иллюстрации можно содержательно сравнить два русофобских произведения, внесённых в Федеральный список экстремистских материалов в 2024 году под номером 5421 и 5424. В первом случае имеем дело с весьма объёмной (687 страниц) книгой украинского автора, замаскированной под якобы научно-исторический труд, адресуемой, как сказано в аннотации, в том числе учёным и студентам. Перетасовывая и искажая исторические факты, автор стремится внедрить читателю мысль об отрицательной роли русского народа в судьбе Украины и разжигает чувство неприязни к нему. Второй случай – короткая музыкальная композиция, в ходе которой несколько раз повторяется фраза в форме ругательства, призывающая к физическому уничтожению русских людей. В каком случае материал можно отнести к экстремистскому, в каком к террористическому – очевидно.

Результаты.

1. Рост террористической опасности в современной России обусловлен двумя новыми факторами – режим «открытых границ» в сочетании с отсутствием общегосударственной идеологии, формирующей своеобразный «кодекс поведения» россиянина и систему его жизненных ценностей. Идеологический вакуум предсказуемо заполняют инородные радикальные идеологемы, в том числе и террористической направленности. Соответственно, государственная стратегия антитеррора должна быть направлена в первую очередь на устранение этих факторов.

2. Отсутствие идеологического базиса, способного быть привлекательным для всех сегментов российского социума, потенциально способствует не только расколу на социальные группы-антагонисты, но порождает для терроризма новую рекрутинговую базу – беспринципного бездуховного индивида, из корыстных побуждений готового совершить террористический акт.

3. Целесообразно провести демаркацию между правовыми дефинициями «экстремизм» и «терроризм», взаимоисключив пересекающиеся категории. Сущностью экстремизма является пропаганда, распространение идеологий ненависти, непримиримости в их радикальной трактовке и политически мотивированные противоправные действия, направленные на подрыв общественного порядка, но не преследующие цель поставить под угрозу жизнь людей. Сутью терроризма являются политически мотивированные действия широкого спектра, сознательно и целенаправленно ставящие под реальную или потенциальную (например, минирование и взрыв объекта в отсутствие людей) угрозу жизнь гражданского населения.

4. Целесообразно более адресно использовать правоприменение при фактах преступлений террористической и диверсионной направленности. Сущность диверсии – акт войны (даже в том случае, если война официально не объявлена) со стороны одного государственного субъекта (или блока государств) в отношении другого государственного субъекта. Диверсия квалифицируется даже в том случае, если данный акт осуществляют военизированные негосударственные «прокси-структуры», но действующие в интересах конкретного государства.

5. Целесообразно создать Федеральный список террористических материалов, соответственно введя предельно жёсткую уголовную ответственность за изготовление и распространение подобных материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов А. Э. Скулшутинг в образовательных организациях как особо опасный феномен современности, профилактика и противодействие безмотивным террористическим акциям // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3. С. 39–45. <https://doi.org/10.24158/per.2023.3.5>.

2. Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П. и др. Терроризм и современное право. Актуальные вопросы противодействия: монография. М.: «Издательство Проспект», 2020. 176 с.

3. Выступление первого заместителя руководителя аппарата НАК И. В. Кулягина на Всероссийском научно-практическом форуме «Безопасность в науке и образовании» (6–7 июня 2023 года, г. Ростов-на-Дону) // Вестник НАК 2023 № 2 (31). С. 5–11.

4. Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Идеология терроризма в Российской Федерации: понятийный аппарат и особенности противодействия // Вестник НАК 2023 № 2 (31). С. 77–82.

5. Заявление Президента России В. В. Путина по поводу террористических актов в США 11 сентября 2001 года. Москва, 12.09.2001. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1685971/ (дата обращения 10.04.2024).

6. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 г. № Пр-1069. URL: <https://spbkk.org/images/stories/docs/terror/plan.pdf> (дата обращения 10.04.2024).

7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения 10.04.2024).

8. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы. Утверждён Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (дата обращения 10.04.2024).

9. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036> (дата обращения 10.04.2024).

10. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (дата обращения 10.04.2024).

11. Кочои С. М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография. М.: «Издательство Проспект», 2023. 200 с.

12. Международный терроризм и право: реферативный сборник / Редкол.: Пивоваров Ю. С. и др. М.: «Издательство ИНИОН РАН», 2002. 147 с.

13. Михалёва Ю. В тюрьме за лайк. Осужденные рассказали, как соцсети привели их за решётку / АиФ Хабаровск. URL: https://hab.aif.ru/society/v_tyurme_za_layk_osuzhdennye_rasskazali_kak_socseti_priveli_ih_za_reshetku?ysclid=Iw0txidvna965802996 (дата обращения 10.04.2024).
14. Морозов И. Л. Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному: монография. Волгоград: «Перемена», 2007. 458 с.
15. О противодействии терроризму. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения 10.04.2024).
16. О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения 10.04.2024).
17. Президент провёл встречу с председателем Следственного комитета Александром Бастрыкиным. 9 октября 2022 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69565> (дата обращения 10.04.2024).
18. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения 10.04.2024).
19. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения 10.04.2024).
20. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения 10.04.2024).
21. Уголовный Кодекс Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения 10.04.2024).
22. Энциклопедический словарь. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/88680/СЛОВО> (дата обращения 10.04.2024).
23. President Bush's Address on Terrorism Before a Joint Meeting of Congress. By Sept. 21, 2001 The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2001/09/21/national/president-bushs-address-on-terrorism-before-a-joint-meeting-of.html> (дата обращения 10.04.2024).
24. Joint motion for a resolution on recognising the Russian Federation as a state sponsor of terrorism. 21.11.2022 – (2022-2896(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2022-0482_EN.html (дата обращения 10.04.2024).

REFERENCES

1. Abramov A. E. Skulshuting v obrazovatelnykh organizatsiakh kak osobo opasnyi fenomen sovremennosti, profilaktika i protivodeistvie bezmotivnym terroristicheskim aktiiam // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2023. № 3. S. 39–45. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.3.5>.
2. Bezrukova O. V., Kapitonova E. A., Kuleshova G. P. i dr. Terrorizm i sovremennoe pravo. Aktualnye voprosy protivodeistviia: monografiia. M.: «Izdatelstvo Prospekt», 2020. 176 s.
3. Vystuplenie pervogo zamestitelia rukovoditelia apparata NAK I. V. Kuliagina na Vserossiiskom nauchno-prakticheskom forume «Bezopasnost v nauke i obrazovanii» (6–7 iyunia 2023 goda, g. Rostov-na-Donu) // Vestnik NAK. 2023. № 2 (31). S. 5–11.

4. Galiashina E. I., Bogatyrev K. M. Ideologiya terrorizma v Rossiiskoi Federatsii: poniatiinyi apparat i osobennosti protivodeistviia // Vestnik NAK. 2023. № 2 (31). S. 77–82.

5. Zaiavlenie Prezidenta Rossii V. V. Putina po povodu terroristicheskikh aktov v SShA 11 sentiabria 2001 goda. Moskva, 12.09.2001. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1685971/ (data obrashcheniya 10.04.2024).

6. Kompleksnyi plan protivodeistviia ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2013–2018 gody. Utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 26 aprelia 2013 № Pr-1069. URL: <https://spbkk.org/images/stories/docs/terror/plan.pdf> (data obrashcheniya 10.04.2024).

7. Kompleksnyi plan protivodeistviia ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2019–2023 gody. Utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 28 dekabria 2018 g. № Pr-2665. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (data obrashcheniya 10.04.2024).

8. Kompleksnyi plan protivodeistviia ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2024–2028 gody. Utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 30 dekabria 2023 № Pr-2610. URL: <http://nac.gov.ru/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v-0.html> (data obrashcheniya 10.04.2024).

9. Konventsiiia Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po protivodeistviuu ekstremizmu ot 9 iiunia 2017 g. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036> (data obrashcheniya 10.04.2024).

10. Kontseptsiiia protivodeistviia terrorizmu v Rossiiskoi Federatsii (utv. Prezidentom RF 5 oktiabria 2009 g.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

11. Kochoi S. M. Antiekstremistskie normy: pravovoe obosnovanie protivodeistviia terrorizmu: monografiia. M.: «Izdatelstvo Prospekt», 2023. 200 s.

12. Mezhdunarodnyi terrorizm i pravo: referativnyi sbornik / Redkol.: Pivovarov Iu. S. i dr. M.: «Izdatelstvo INION RAN», 2002. 147 s.

13. Mikhaleva Iu. V tiurme za laik. Osuzhdennye rasskazali, kak sotsseti priveli ikh za reshetku / AiF Khabarovsk. URL: https://hab.aif.ru/society/v_tyurme_za_layk_osuzhdennye_rasskazali_kak_socseti_priveli_ikh_za_reshetku?ysclid=Iw0txidvna965802996 (data obrashcheniya 10.04.2024).

14. Morozov I. L. Politicheskii ekstremizm: osobennosti evoliutsii pri perekhode ot industrialnogo obshchestva k informatsionnomu: monografiia. Volgograd: «Peremena», 2007. 458 s.

15. O protivodeistvii terrorizmu. Federalnyi zakon ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ. URL: <https://base.garant.ru/12145408/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

16. O protivodeistvii ekstremistskoi deiatelnosti. Federalnyi zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

17. Prezident provel vstrechu s predsedatelem Sledstvennogo komiteta Aleksandrom Bastykinym. 9 oktiabria 2022 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69565> (data obrashcheniya 10.04.2024).

18. Strategiiia protivodeistviia ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 29 maia 2020 g. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (data obrashcheniya 10.04.2024).

19. Federalnyi spisok ekstremistskikh materialov. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (data obrashcheniya 10.04.2024).
20. Uголовnyi kodeks RSFSR 1960 g. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (data obrashcheniya 10.04.2024).
21. Uголовnyi Kodeks Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (data obrashcheniya 10.04.2024).
22. Entsiklopedicheskii slovar. Slovarei i entsiklopedii na Akademike. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/88680/SLOVO> (data obrashcheniya 10.04.2024).
23. President Bush's Address on Terrorism Before a Joint Meeting of Congress. By Sept. 21, 2001 The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2001/09/21/national/president-bushs-address-on-terrorism-before-a-joint-meeting-of.html> (data obrashcheniya 10.04.2024).
24. Joint motion for a resolution on recognising the Russian Federation as a state sponsor of terrorism. 21.11.2022 – (2022-2896(RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2022-0482_EN.html (data obrashcheniya 10.04.2024).

Информация об авторе

Илья Леонидович Морозов, член экспертного совета по противодействию идеологии терроризма при антитеррористической комиссии в Волгоградской области (<https://www.volgograd.ru/gubernator/koord/antikvo/sostav-ekspertnogo-soveta.php>), доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, morozov-il@ranepa.ru, ORCID 0000-0001-8241-5880, SPIN-код: 1505-1622, AuthorID: 644786.

Information about the Author

Ilya L. Morozov, member of the expert council on countering the ideology of terrorism under the anti-terrorism commission in the Volgograd region (<https://www.volgograd.ru/gubernator/koord/antikvo/sostav-ekspertnogo-soveta.php>), Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration and Management Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8,400006 Volgograd, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8241-5880, SPIN-code: 1505-1622, AuthorID: 644786.

Для цитирования: Морозов И. Л. Эволюция государственного политико-правового подхода к борьбе с идеологией терроризма в Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 7–28. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N2.pdf